

**ЗОЛОТОЕ
НАСЛЕДИЕ**

**НОВЫЕ ИДЕИ
В ФИЛОСОФИИ**
СБОРНИК № 3
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ I

DirectMEDIA

Новые идеи в философии

Коллектив авторов

**Новые идеи в философии.
Сборник номер 3**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 165
ББК 87.22

Коллектив авторов

Новые идеи в философии. Сборник номер 3 / Коллектив авторов — «Директ-Медиа», 2014 — (Новые идеи в философии)

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад — в 1912—1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Brentano, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

УДК 165
ББК 87.22

© Коллектив авторов, 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Предисловие	5
Н. Лосский.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Новые идеи в философии. Сборник номер 3

Предисловие

В течение последних пятидесяти лет гносеология занимает центральное место в философской литературе и становится наиболее разработанной философской дисциплиной. Руководящее значение в современной гносеологической литературе имеют труды, резко отграничивающие психологическое и генетическое исследования от гносеологического и логического; таковы, например, труды Шуппе, Гуссерля, Риккерта и марбургской школы.

Стремление освободиться от тупика субъективного идеализма приводит к новым учениям о сознании, способным сыграть важную роль в дальнейшем развитии гносеологии; в самых разнообразных формах эти новые учения, стремящиеся обосновать знание о подлинном транссубъективном мире, осуществлены в эмпириокритицизме Авенариуса, в интуитивизме Бергсона, в мистицизме Соловьева и в интуитивизме Лосского.

В сборниках «Новых идей в философии» будут изложены все упомянутые теории. В дополнение к ним в качестве контрастирующего с ними явления будет дан также очерк прагматизма.

В предлагаемом вниманию читателей № 3 помещено изложение взглядов Шуппе, Авенариуса и Гуссерля. Интенционализму Гуссерля отведено в сборник сравнительно большое место потому, что взгляды этого философа, изобилующие сложными оттенками, с трудом поддаются краткому изложению, к тому же обширный второй том «Логических исследований» Гуссерля не имеется в русском переводе.

Между тем в развитии современной гносеологии труд Гуссерля имеет огромное значение, потому что в нем наиболее отчетливо проведено различие между психофизиологическим актом знания и идеальным смыслом знания.

Редакция

Н. Лосский. Имманентная философия В. Шуппе

Гносеологические исследования В. Шуппе изложены главным образом в его обширной «Erkenntnisstheoretische Logik» (1878) и в кратком «Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik» (1894, 2 изд. 1911)¹.

Приступая к исследованию истины, Шуппе отграничивает гносеологию и логику от психологии. «Мышление, как конкретный, т. е. совершающийся во времени процесс, всегда есть мышление индивидуума», говорит Шуппе, «тем не менее вопросы теории знания и логики всегда относятся к мышлению вообще, а вовсе не к индивидуальному мышлению как таковому».

Развитие индивидуального мышления, начиная с детского возраста, обстоятельства, содействующие или препятствующие ему, методы мышления, основанные на природе индивидуума как такового, составляют предмет исследования психологии. И все исследования психологии «всегда уже предполагают понятие мышления вообще (Denken überhaupt) и истины»². Итак, необходимо исследовать родовые свойства мышления, чтобы узнать, что такое истинное знание.

Прежде всего, очевидно, что мышление не осуществимо без чего-либо мыслимого. Назовем то, что мыслится, объектом или содержанием (Inhalt) мышления, и формулируем сделанное открытие следующим образом: где есть мышление, там всегда есть две стороны, – во-первых, мышление и, во-вторых, объект его.

Эти две стороны, хотя они и глубоко отличаются друг от друга, неразрывно связаны друг с другом: мышление не может существовать без мыслимого и, наоборот, мыслимое (объект, содержание) не может существовать без мышления.

Содержание мышления есть не что иное, как бытие (Sein), действительность. В самом деле, всякое утверждение о мыслимом объекте («земля кругла» и т. п.) есть признание того, что он действительно существует.

«Понятие и сущность мышления состоит в том, что у мышления есть содержание или объект, а также в притязании на то, что это содержание есть действительно сущее»³.

Итак, неразрывная связь между мышлением и мыслимым объектом есть, иными словами, неразрывная связь между мышлением и бытием. Допустить реальное отделение мышления от бытия или бытия от мышления – это значит высказать нелепость.

В самом деле, «если устранить содержание, т. е. мыслимые вещи, то мышление, лишенное содержания, оказывается не только фактически невозможным, но даже и в понятии немыслимым (begrifflich undenkbar); с другой стороны, если устранить мышление, мыслящее вещи, то согласно реалистической теории существование никем не мыслимых вещей, правда, считается несомненным, однако, очевидно, лишь в том случае, когда я мыслю их, как никем не мыслимые»⁴, что противоречиво.

Ввиду нерасторжимости мышления и бытия нельзя представлять себе мышление как чисто субъективную деятельность, наподобие движения схватывающей руки, которое может быть произведено даже и в отсутствии схватываемых вещей. Нельзя поэтому построить такую логику, которая была бы учением о чистом мышлении; всякая логика должна быть наукою о мышлении, направленном на бытие, т. е. должна быть не формальной, а материальной. Она

¹ В. Шуппе родился в 1830 г., был профессором в Грейфсвальде. Список его сочинений приложен в конце статьи.

² Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 3.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, стр. 26.

должна дать сведения о мышлении вообще (Denken überhaupt) и вместе с тем о сущем вообще (vom Seienden überhaupt), т. е. о высших родах бытия. Таким образом, логика есть вместе с тем онтология⁵.

Так как мышление и бытие составляют вместе единое, реально неразделимое целое сознания, то для изучения этих двух сторон сознания необходимо прибегнуть к мысленному обособлению их, т. е. к абстракции. Но, производя абстракцию, человеческий ум очень часто попадает в ошибку удвоения, приводящую к безвыходным затруднениям и противоречиям. Познакомимся с этой ошибкой сначала с помощью схемы и затем с помощью более простого примера, чем абстрагирование мышления от бытия. Положим, что АВ есть реально неразделимое целое, тогда задача правильной абстракции состоит в том, чтобы мысленно отделить начисто А от В; при этом, если АВ было конкретное наглядно представимое целое, то элементы, полученные после абстракции, А и В друг без друга не будут представимы наглядно, они будут только мыслимы в понятии (begrifflich). Ум, обладающий слабою способностью к абстракции, не справится с этою задачею и, пытаясь мыслить А, на деле наверное будет мыслить (вернее, по-прежнему наглядно представлять) его не в чистом виде, а в виде Ав; точно так же вместо В они будет мыслить АВ. Таким образом из АВ получаются после абстрагирования не элементы его, а удвоенное АВ. Так, например, если мы наглядно представляем себе красный куб и задаемся целью помыслить в отвлечении друг от друга цвет (чувственное качество) и протяженность, мы обыкновенно выполняем эту задачу следующим неправильным способом: представляем себе красноту в виде, например, красного пятна, и протяженность в виде куба, т. е. по-прежнему в виде наглядного образа, заполненного, если не цветом, то все же каким-либо чувственным качеством, например, осязательными ощущениями или же линиями зрения (моторными ощущениями от движения глаза при рассматривании куба). Между тем правильная абстракция должна дать два элемента действительности, чувственное качество и протяженность, вовсе не представимые наглядно, а только мыслимые в понятии.

Описанную ошибку совершает человеческий ум тогда, когда, пытаясь отвлечь друг от друга мышление и бытие, он представляет себе, с одной стороны, бытие как систему вещей, а, с другой стороны, мышление как систему мысленных образов вещей. Здесь мир удвоен, и это удвоение получилось потому, что к составу бытия примешаны продукты мышления (порядок, отношения), а к составу мышления примешано бытие (мыслимые вещи, ошибочно истолкованные как образы вещей)⁶.

Следствия этой ошибки таковы. Если бы абстракция была произведена правильно, без удвоения, то мы ясно усматривали бы, что бытие и мышление не могут быть разъединены. Теперь же после удвоения мы не можем понять, как соединить их друг с другом: бытие, пропитанное мышлением, но ошибочно принятое за чистое бытие, не нуждается ни в чем мышлении для того, чтобы существовать, и, наоборот, мышление, наполненное образами вещей, не нуждается в подлинных вещах. Отсюда являются три типа ложных теорий: 1) теории, отрицающие мышление, таков, например, тот вид материализма, который утверждает, что мышление есть движение; 2) теории, отрицающие бытие, например, система Беркли, превращающая объекты в состояния субъекта; 3) теории, утверждающие параллелизм или вообще какое-либо соответствие между формами мышления и формами бытия⁷ (сюда относятся различные виды теоретического реализма, утверждающего, что трансцендентно всякому сознанию существует мир, более или менее сходный с миром, мыслимым и представляемым, т. е. имманентным сознанию).

⁵ Grundr., стр. 4.

⁶ Erk. Log., стр. 15—19.

⁷ Там же, стр. 28.

Как сказано, все эти ложные теории возникают вследствие невозможности соединить мышление и бытие после того, как мы удвоили их. Между тем в действительности, как раз наоборот, невозможно разъединить их: нельзя найти мышление без объекта (бытия) и объект без мышления. Это сочетание мышления с тем, что не есть мышление, с бытием, никого не удивляет, когда речь идет о таких объектах, как чувства или желания, познаваемые путем самонаблюдения. Никто не сомневается в том, что чувства суть не мышление, а бытие, однако это не мешает им быть объектами мышления. Затруднения возникают с того момента, когда речь идет о познании «внешнего» бытия, например, о познании протяженности дерева. В этом случае нам кажется невозможным, чтобы наблюдаемая протяженность (имманентная сознанию) была самой действительностью. Почему это представляется невозможным? Очевидно не вследствие разнородности вообще между мышлением и бытием: выше было сказано, что разнородность между чувством и мышлением нисколько не мешает признать, что, мысля о своем чувстве, например, наблюдая свою радость, мы имеем дело с самой подлинной радостью, а не с замещающими ее мысленными образами, символами и т. п. Нетрудно заметить, что различное истолкование мышления о чувстве и о протяженном дереве обусловлено предвзятыми предпосылками, согласно которым чувство находится «внутри» мыслящего существа (внутри души), а протяженное дерево «вне» мыслящего существа, за границей я. Эти неясные, заимствованные из области пространственных отношений представления о границах я, отделяющих «внутренний» мир души от внешнего «мира тел», приводят к роковым заблуждениям в теории знания: они являются источником ошибочного убеждения, будто мышление есть чисто субъективная деятельность, «состояние единичного мыслящего я»⁸, не выходящее «за границы» этого я и потому способное иметь дело только с таким бытием, только с такими объектами, которые также находятся уже внутри души, так что, познавая внешний мир, например, протяженное дерево, я могу наблюдать лишь свои субъективные ощущения, а не само дерево, существующее вне моего я.

Отсюда являются нелепые затруднения, приводящие к скептицизму или же решаемые с помощью искусственных теорий. Так, превращая все объекты, имманентные сознанию, в состояния души, подобно чувству удовольствия, эти теории задаются вопросом, почему такие объекты, как дерево, представляются существующими «вне» я, и развивают учение о проецировании ощущений наружу⁹.

Точно так же, превращая протяженные объекты в непротяженные психические состояния, они задаются неразрешимым вопросом, как создаются из таких психических состояний представления о пространстве¹⁰ и т. п.

Отбросим, предлагает Шуппе, все эти гипотезы, перестанем ссылаться на трансцендентные всякому сознанию процессы в мозгу и нервной системе, допущенные на основании умозаключений, в особенности освободимся от предвзятых предпосылок и займемся исключительно анализом того, что фактически дано в сознании. Тогда мы увидим, как затруднения сами собою исчезнут, и рискованные гипотезы вовсе не понадобятся¹¹. Беря факты как они есть, необходимо признать, что видимый мною цвет листьев дерева и его ствола находятся не внутри моего мозга или не в моей душе, а там, в двух, трех или более саженях от меня. «Он действительно целиком находится там, где, согласно прежней теории, он нам только кажется существующим и куда, по этой теории, его еще нужно проецировать»¹².

⁸ Там же, стр. 30.

⁹ Там же, стр. 52.

¹⁰ Там же стр. 65.

¹¹ Там же стр. 56, 62; Grundr., стр. 15.

¹² Erk. Log., стр. 65.

Мало того, такой объект, как ствол дерева, представляется протяженным и он действительно протяжен. Не следует думать, будто в сознании есть только непротяженный образ дерева, а само протяженное дерево существует трансцендентно сознанию; нет, присутствующее в сознании дерево как содержание восприятия и есть само протяженное дерево; оно присутствует в сознании во всей своей телесности, так что нет никаких оснований говорить, будто оно есть «только представление», т. е. удваивать вещи, различая представления о вещах и сами вещи. «Содержание сознания есть ощущаемое содержание, точь-в-точь такое, каким оно себя заявляет, в своей настоящей осязаемой, наполняющей пространство действительности, а не преображенное или утонченное до степени лишь призрака, лишь субъективного ощущения». «Весь реальный мир, солнце, луна, звезды и эта земля с ее горными породами и животным миром, с ее огнедышащими горами и т. п., все это есть содержание сознания»¹³.

Если читатель думает: «Мне эти взгляды хорошо знакомы, я уже встречал их в философии Беркли», то он ошибается. Сходство между Беркли и Шуппе ограничивается лишь тем, что оба они считают весь так называемый материальный мир имманентным сознанию. Но строение этого сознания они понимают глубоко различным образом. Беркли считает реки, горы, моря и т. п. только представлениями познающего я, он превращает их в психические состояния познающего индивидуума вроде того, как радость или печаль считаются состояниями того или другого я. Шуппе, наоборот, настаивает на том, что горы, моря, реки, присутствуют в сознании со всею своею телесностью, непроницаемую, наполняющую громадные пространства и т. п., и вовсе не могут быть состояниями я. Тот, кто стал бы насмешливо возражать, что я, вмещающее в себе горы и моря, должно быть громадным, обнаружил бы, во-первых, непонимание теории Шуппе, а, кроме того, смутность своих представлений о я, в особенности об отношении между сознающим я и познаваемым бытием. Если я есть сосуд, в который вложены познаваемые вещи, то, конечно, объем сосуда должен быть больше объема вложенных вещей. Точно так же, если я есть точка (как граница пространства), а познаваемые вещи суть состояния этой точки, то они должны быть непротяженными, как и сама точка. Но эти пространственные представления о я нелепы. Я не есть ни сосуд, ни точка в пространстве, оно ни в каком смысле слова не есть что-либо протяженное¹⁴.

Кроме того, неправильны представления о познающем я и познаваемом бытии, превращающие я в вещь, а познаваемое – в состояния этой вещи. Традиционное учение о сознании именно таково, и задача Шуппе состоит в том, чтобы построить новое учение о сознании, опираясь исключительно на анализ фактов сознания, а вовсе не на выводы из предвзятых предпосылок о душе как замкнутой, отграниченной от остального мира субстанции, или о материи как причине душевной жизни, и т. п.

Сознание всегда есть целое, в котором путем мысленного разложения, путем абстракции можно различить две стороны: я, т. е. субъект сознания, и содержание сознания. Конечно, кроме этих двух элементов необходимо еще нечто третье, именно отношение между ними, благодаря которому содержание познается субъектом. Чтобы обозначить это отношение, у нас есть только образные выражения, вроде: «обладание в сознании» (*im-Bewusstsein-haben*), «усваивание», «удерживание». Конечно, под этими образными выражениями следует разуметь «только то, что требуется простым смыслом слова сознание, именно необходимое представление о связи между содержанием сознания и познающим я, о связи, благодаря которой и в которой предмет или содержание впервые есть содержание сознания субъекта (*des Ich*)»¹⁵.

Эту связь между субъектом и объектом можно назвать мышлением в самом широком смысле слова. Благодаря этой связи познаваемый объект можно назвать содержанием сознания,

¹³ Там же, стр. 69.

¹⁴ Gr., стр. 24; Erk. Log. 70—76.

¹⁵ Erk. Log., стр. 89.

разумея под всеми этими словами, конечно, не пространственное, а исключительно объектное отношение (отношение объекта и субъекта). Объекты, будучи, благодаря мышлению, содержаниями сознания, вовсе не становятся вследствие этого частями или состояниями я¹⁶. Только о некоторых содержаниях сознания, таких, как, например, моя радость, мое желание, можно сказать, что они суть состояния я, вроде того, как зеленый цвет есть состояние какой-либо вещи, например, травы¹⁷. В большинстве же случаев, например, когда содержанием сознания служит дом, гора, река, эти содержания вовсе не суть состояния я, они только необходимо связаны с я.

Неопытный глаз может не заметить в этом учении Шуппе о сознании ничего оригинального. Между тем отклонение от традиционных взглядов у него громадно. Согласно общепринятым взглядам сознание определенного человека есть совокупность психических состояний этого человека, совершающихся в его душе или обусловленных наиболее сложными физиологическими процессами в его теле. По учению же Шуппе, сознание чего-либо есть отношение между я и создаваемым бытием; это отношение нерасторжимо (в каком смысле оно нерасторжимо, об этом будет сказано позже), но это не требует превращения всякого создаваемого бытия в субъективный процесс, совершающийся в душе человека. Только некоторые содержания сознания: чувства, желания, акты мышления, близки к я настолько, что могут считаться его психическими состояниями, все же остальные содержания сознания человека (воспринимаемые горы, реки и т. п.) соединены с я этого человека только отношением «имения в сознании».

Посмотрим теперь, что такое это я или субъект сознания. Отбросим все содержания сознания, не только воспринимаемые реки, горы, но и чувства, желания, а также это определенное человеческое тело, которое также есть содержание сознания, и перед нами останется я как нечто не индивидуальное, я как общее понятие; найденное путем отвлечения от всякого содержания сознания, оно оказывается не конкретным существом, а только абстрактным моментом сознания. В конкретном целом сознания я есть непротяженный, абсолютно простой пункт единства¹⁸.

«Я», говорит Шуппе, «возникает и становится мыслимым впервые вместе с знанием о чем-либо; оно есть, правда, носитель (*der tragende Grund*) знания о чем-либо, но всегда находится более на заднем плане»¹⁹. В самом себе оно не имеет никакого содержания, и все бытие его сводится к «обладанию» объектами. Раньше уже было показано, что этот «обладатель» (субъект) не может существовать без обладаемого им (без объектов) и, наоборот, обладаемое не может существовать без обладателя: субъект и объект «суть только абстрактные моменты первоначального единого целого, которое именно и есть само бытие»²⁰, и потому вопрос о том, как они встретились, как субъекту удалось овладеть объектом, не имеет смысла. Упомянутый выше теоретический реализм, стремящийся найти вне сознания причину появления в сознании таких содержаний, как, например, ощущение цвета, и находящий ее в изменениях глаза, нервов и мозга, не может быть оправдан. Глаз, нервы, мозг и т. п. сами суть уже содержание сознания, содержание восприятия, и потому в них видеть причину, объясняющую, каким образом впервые возникают содержания восприятия, нельзя. Из этого не вытекает, конечно, будто исследования физиологии о зависимости цветов, звуков и т. п. от изменений в зрительном, слуховом и т. п. аппаратах должны быть отвергнуты, их нужно только истолковать иначе, чем это делает теоретический реализм. В самом деле, физиология открывает законосо-

¹⁶ Там же, 72; Gr., 18.

¹⁷ Gr., 140.

¹⁸ Gr., 19, 24.

¹⁹ Erk. Log., стр. 94.

²⁰ Gr., 23; Erk. Log., 69.

образную связь между одними и другими данными сознания, между одними и другими явлениями, а вовсе не между данными сознания и чем-то трансцендентным всякому сознанию²¹.

Субъект сознания, взятый в отвлечении от всякого содержания, лишен каких бы то ни было индивидуальных признаков; это есть не индивидуальное я, присущее не какому-нибудь индивидуальному сознанию, а всякому сознанию, т. е. «сознанию вообще» (*Bewusstsein überhaupt*). Чтобы это я было индивидуальным, необходимо присоединение к нему определенных пространственных и временных содержаний сознания, именно чувств, желаний и особенно тела, занимающего определенное пространство и время²². Следовательно, индивидуальные (конкретные) сознания состоят, с одной стороны, из различных индивидуальных состояний (чувств, желаний, тел), а, с другой стороны, содержат в себе и общую, всем им тождественную сторону – я как абстрактный субъект. Необходимо подчеркнуть, что это родовое я – «одно и то же во всех единичных я, а не находится в стольких экземплярах, сколько есть единичных я»²³.

Кроме родового я, каждому индивидуальному сознанию присущи также состояния, характеризующие «сознание вообще», т. е. сознание как нечто родовое, надындивидуальное. «В том, что всякий находит в себе и знает только как свое восприятие, свою мысль, свое переживание, некоторые стороны могут принадлежать сознанию вообще, которое индивидуум также находит только в себе, а другие стороны получают если не существование вообще, то все же свой особый вид и окраску из индивидуальности и принадлежат к ее сфере. Последние элементы *eo ipso* не могут быть одними и теми же для всех индивидуумов, и даже при одинаковости содержания существуют в таком количестве экземпляров, сколько есть индивидуумов, находящихся их в себе»²⁴.

Итак, различные индивидуальные сознания имеют, несмотря на все свои индивидуальные особенности, также и общие стороны. Из этого строения сознания понятно, каким образом несколько наблюдателей могут воспринимать численно одну и ту же вещь, т. е. иметь в кругозоре своих сознаний буквально одно и то же содержание, в восприятии которого могут быть, однако, индивидуальные оттенки²⁵. «Это есть не только факт опыта, но нам и понятно также, что лишь вследствие того человечество и возможно и основывается на том, что индивидуальные сознания имеют часть своих содержаний общую, а, с другой стороны, отличаются друг от друга не только различием отрезков мира, сознаваемых каждым из них, но также индивидуальными различиями в окраске и способе понимания общей в их восприятии части мира»²⁶. «Общая и согласная часть содержаний сознания именно вследствие этого, очевидно, независима от индивидуумов как таковых. Зависимо от них и им принадлежит, (со) участвуя в их бытии, все то, что не связано необходимо с общей родовой сущностью и, как вытекающее из особенностей индивидуумов, отнесено нами выше к числу «субъективных черт», которыми индивидуумы отличаются друг от друга»²⁷.

Исходя из этого учения о строении сознания, можно установить понятие первой ступени истины, именно понятие истины, основанной на чувственном восприятии. В составе чувственного восприятия внешнего мира объективный характер имеет все то, что принадлежит «сознанию вообще», а субъективный – то, что принадлежит индивидуальному сознанию, причем в

²¹ Erk. Log., 60—68; Gr. 23 стр.

²² Gr., 18, 25, 27.

²³ Schuppe, Begriff und Grenzen der Psychologie. Zeitschrift für imm. Philosophie, I, 1896, стр. 46. В переводе на русский язык эта статья Шуппе помещена в IV сборнике «Новых идей в философии», цитата со стр. 13.

²⁴ Там же, стр. 48; по-русски, IV сб. «Новых идей в философии», стр. 14.

²⁵ Gr. 30; Erk. Log., 77 с.

²⁶ Gr., 31, 30.

²⁷ Gr., 32.

области субъективного находится и ложное, именно то, что обусловлено аномалией телесных органов или психических функций индивидуума²⁸.

Объективную сторону восприятия составляют вещи, независимые от индивидуальных сознаний; из этого, однако, не следует, будто они трансцендентны всякому сознанию: мир восприятия, «правда, независим от всех индивидуальных сознаний, но по своему понятию он мыслим только как объект сознания вообще» (als Object von Bewusstsein überhaupt)²⁹.

Из учения Шуппе о строении сознания вытекает ряд весьма важных следствий. Во-первых, оно дает возможность устранить кантовское деление мира на два царства – явлений и вещей в себе. Достроив высшее понятие своей теории, понятие «сознания вообще», Кант, по словам Шуппе, сделал ошибку, не использовав его метафизически, не обратив внимания на то, что «сознание вообще» есть нечто само по себе сущее (an sich Seiendes). Поэтому ему пришлось прибегнуть к допущению Бога и вещей в себе, причем явления превращаются в видимость. Между тем, если «сознание вообще» есть an sich, то оно и есть единственный носитель мира существующих в восприятии вещей, за спиною которых нет никаких сверхчувственных ноуменов. Воспринимаемые вещи можно и при этом учении называть явлениями, но под этим словом следует разуметь лишь то, что они существуют не иначе, как для я, а не то, что они суть обнаружения вещи в себе³⁰.

²⁸ Gr., 32.

²⁹ Gr., 34.

³⁰ Schuppe, «Das metaphysische Motiv».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.